

Ю. Я. ВИН

СЕЛЬСКОЕ РЕМЕСЛО И ПРОМЫСЛЫ В ПОЗДНЕЙ ВИЗАНТИИ (XIII—XV вв.)

Сельское ремесло в поздней Византии привлекает в последние десятилетия все большее внимание исследователей. По общепринятому мнению, поздневизантийское сельское ремесло с присущим ему высоким для того времени уровнем развития характеризовалось разнообразием (более полуста) ремесленных специальностей¹. С точки зрения Г. А. Острогорского, дифференциация сельского ремесла в поздней Византии объясняется внутренней замкнутостью хозяйственной жизни феодального поместья². С иных позиций подходил к рассматриваемой проблеме М. Я. Сюзюмов: наиболее благоприятные условия для занятий ремеслом, считал он, складывались у крестьян пригородных сел и городских предместий, где существовали предпосылки для развития мелкотоварного производства³. В свою очередь, болгарский историк Н. К. Кондов поднял вопрос о возникновении в византийском селе XIV в. рассеянной мануфактуры⁴.

Исследователи анализировали поздневизантийское сельское ремесло, опираясь главным образом на данные описей паричских хозяйств (практиков) XIV в. Вместе с тем к изучению сельского ремесла и его вспомогательных отраслей — промыслов — привлекались жалованные грамоты и завещания, дарственные и купчие, другие виды источников⁵. В целом акты материалы XIII—XV в. фактически единственный содержательный вид источников, отражающий развитие ремесла и промыслов в византийской деревне рассматриваемого времени. Мы также обратимся к документальным свидетельствам с целью конкретизации наших представлений о характере и принципах организации сельского ремесла и промыслов в поздней Византии.

Проблема эта стоит в одном ряду с другой — сущности и особенностей положения сельских ремесленников. Как представляется большинству современных исследователей, сельские ремесленники поздневизантийского времени не отличались по своему экономическому положению и социальному статусу от основной массы крестьян-париков и были тесно связаны с сельскохозяйственным производством⁶. Это подтверждают прежде всего материалы практиков, по которым обычно определяются состав и численность сельских ремесленников. Они перечисляются здесь в одном ряду

¹ См.: *Сметанин В. А.* Категории византийского крестьянства в XIII—XIV вв.: Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Свердловск, 1967. С. 15—16; *Он же.* Сельские ремесленники поздней Византии как социальная группа // АДСВ, 1971. Вып. 7. С. 159—171; *Laiou-Thomadakis A. E.* Peasant Society in the Late Byzantine Empire: A Social and Demographic Study. Princeton; New Jersey, 1977. P. 120—127.

² *Острогорски Г.* Серска област после Душаново смрти. Београд, 1965. С. 58.

³ *Сюзюмов М. Я.* Экономика пригородов византийских крупных городов // ВВ, 1956. XI. С. 80—81.

⁴ См.: *Кондов Н. К.* Селското занаятчйство в областта на Долна Струма през първата половина на XIV век // ЗРВИ, 1964. 8/2. С. 191—208.

⁵ См.: *Сметанин В. А.* Сельские ремесленники... С. 159.

⁶ Ср.: *Сметанин В. А.* Сельские ремесленники... С. 160 и сл.; *Laiou-Thomadakis A. E.* Peasant Society... P. 126. См. также: *Мошин В.* Зографские практики // Сборник в память на проф. Петър Ников. София, 1940. С. 298.

с крестьянами⁷. Несомненно, что профессиональные занятия большинства ремесленников, обладавших землей и скотом, сочетались с сельскохозяйственными работами, которые выполняли или сами ремесленники, или члены их семей. Косвенным образом соединение сельскохозяйственного труда с ремеслом выражалось в том, что доходы париков от ремесленных занятий облагались дополнительным налогом наравне с побочными доходами от сельского хозяйства, включая аренду земли⁸.

В средневековье сельское ремесло и промыслы, возникшие на базе отдельных крестьянских хозяйств, служили в первую очередь удовлетворению собственных потребностей земледельцев, общины и поместья. Это предопределяло отраслевое деление и принципы организации сельского ремесла⁹. Крестьяне чаще всего занимались переработкой продукции сельскохозяйственного производства, изготовлением одежды и обуви, предметов домашнего обихода. По мере необходимости сельские жители производили помол зерна, выпечку хлеба, изготавливали вино, растительные и животные масла, сыры, о которых неоднократно упоминают документы XIII—XV вв.¹⁰. Надо полагать, большинству крестьян хватало умения пользоваться простейшими ремесленными инструментами для того, чтобы обеспечить себя необходимым сельскохозяйственным инвентарем. Согласно поздневизантийскому фольклорно-поэтическому календарю, воспроизводящему быт сельского жителя, крестьянин вполне справлялся с изготовлением при помощи топора и тесла такого орудия труда, как деревянный плуг¹¹. Возможно, что византийские крестьяне изготавливали в своих хозяйствах и необходимую бытовую керамику (простейшие виды глиняной посуды, пряслица, статуэтки-игрушки и т. п.)¹².

Однако далеко не все нужды крестьянского хозяйства в ремесленных изделиях могли быть удовлетворены собственными силами земледельцев.

⁷ Идентификация ремесленников по материалам практиков строится на выявлении изредка встречающихся прямых обозначений ремесленных профессий париков или, чаще, представляет собой интерпретацию патронимов, производимых от названий ремесленных специальностей. Патронимы глав хозяйств не всегда позволяют с уверенностью решать вопрос о том, идет ли речь собственно о ремесленнике или о крестьянине, владевшем данным ремеслом, либо парике, носившем соответствующее родовое имя — прозвище. Ср.: *Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. S. 186.* (Далее: Schatz); *Idem. Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athosklöster Iberon. München, 1949. S. 22—23; Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society... P. 127.*

⁸ Ср.: *Хвостова К. В. Некоторые вопросы феодальной ренты по материалам Иверских практиков XIV в. // ВО. М., 1961. С. 257; Она же. Судьбы парикии и особенности налогообложения париков в Византии XIV в. Количественный подход к проблеме // ВВ, 1978. 39. С. 70—71; Она же. Количественный подход в средневековой социально-экономической истории. М., 1980. С. 94; Она же. К вопросу об употреблении термина «элевер» в византийских описях XIII—XIV вв. // ВВ, 1983. 44. С. 24.*

⁹ *Сванидзе А. А. Деревенские ремесла в средневековой Европе. М., 1985. С. 119, 120, 160.*

¹⁰ Соответственно ср.: *Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV веков / Изд. Ф. И. Успенский, В. Н. Бенешевич. Л., 1927. N 178 (Далее: ВА); ММ, IV. 196—197; ВА, № 139; Les Archives de Saint-Jean-Prodrôme sur le mont Ménécée / Ed. par A. Guillou. P., 1955. N 34.36—37 (Далее: Ménéc.); ВА. N 22.3; ММ. IV. 257; Schatz. N 21.12; Actes d'Esphigménou / Ed. dipl. par J. Lefort. P., 1973. N 29.11. (Далее: Esph.).*

¹¹ См.: *Eideneier H. Ein byzantinisches Kalendargedicht in der Volkssprache // 'Ελληνικά, 1979, 31, N 2. S. 382.20—24.*

¹² Домашнее производство бытовой керамики было распространено среди сельского населения Балканского полуострова повсеместно. Простейшие образцы производимых сельскими жителями керамических изделий (лепная, изготовленная без гончарного круга посуда и другие глиняные поделки), судя по этнографическим наблюдениям, обжигались в примитивных земляных (даже домашних, хлебных) печах. В изготовлении бытовой керамики активно участвовали женщины. Автор специального исследования М. С. Филипович подчеркивал, что не располагает данными о домашнем керамическом производстве у греческих крестьян. Однако исследователем использованы материалы, относящиеся к районам Македонии, которые прилегают к территориям Северной Греции и европейской Турции с греческим населением. См.: *Филиповић М. С. Женската керамика код балканских народа. Београд, 1951. С. 2, 4—6.*

Особенно велика была потребность в продукции кузнечного, мельничного и гончарного производства¹³.

Среди отраслей сельского ремесла важнейшее место принадлежало кузнечному делу и тесно связанному с ним горнорудному промыслу. В средневековье господствовал кричный метод производства железа, заключающийся в ковке металлосодержащей массы (крицы). Благодаря этому в кузнице сельского мастера не только изготавливались металлические изделия, но и производился металл¹⁴. Металлообрабатывающее производство, весьма трудоемкое, требовало значительных затрат и потому зачастую сосредоточивалось в мастерских крупных собственников, во многих случаях — монастырей. К примеру, в описи имущества монастыря Ксилургу (XII в.) перечень железной и медной утвари заканчивается упоминанием о кузнице (мастерской «медника») со «всеми принадлежностями». В их число безусловно входили перечисленные здесь слесарные инструменты и запасы необработанных металлических заготовок¹⁵. В XIII—XIV вв. кузницы, находившиеся в единоличном владении селян, принадлежали, вероятно, зажиточным хозяевам. Так, у монаха Феодора Скараны имелись очаг, жаровня, набор кувалд и молотков, небольшой запас необработанного железа и различного, уже готового к использованию сельскохозяйственного инвентаря¹⁶. Монах Геронтий, завещавший свое имущество монастырю св. Марины, располагал разнообразными слесарными и столярными инструментами, набором изготовленных в мастерской сельскохозяйственных орудий (три заступы, пять мотыги, двумя топорами, восемью серпами). Опись имущества Геронтия, в чьем подсобном хозяйстве находились 5 рабочих быков, 3 коровы, телята, стадо овец в 62 головы, запас зерна в 130 модиев (в том числе 45 модиев составляли семенной фонд), бобовых в 39 модиев и который был владельцем богатой библиотеки, позволяет отнести этого монаха к наиболее зажиточным селянам¹⁷.

Размещение месторождений полезных ископаемых в сельской местности предопределило активное участие сельского населения в горнорудном промысле. Такова, к примеру, была ситуация на п-ве Халкидика. Наличие месторождений угля и металлических руд на юго-востоке полуострова стимулировало развитие тут металлургии¹⁸. Месторождения угля в этом районе прослеживаются поблизости от хориона Ревеникия, у родника Писсара¹⁹. Известные месторождения руды (μεταλλεία) локализуются около сел Симеон и Палеохорион, в местности под названием «Γῆ Βορρά», что лежала на пути из Кондогрицы в Палеохорион близ Скоробицы²⁰. Металлообрабатывающие мастерские в Кондогрице размещались, по видимому, на периферии селения²¹. В целом расстояния между месторождениями сырья в Ревеникии и металлургическим центром в Кондогрице не превышали 20 км²².

¹³ Кондов Н. К. Сельского занаятчийство... С. 192—194; *Idem.* Das Dorf Gradec: Demographisch-wirtschaftliche Gestalt eines Dorfes im Gebiet des Unteren Strymon zu Beginn des XIV. Jahrhunderts (II. Teil) // *EB*, 1977, N 3. S. 88; *Rouillard G.* La vie rurale dans l'Empire byzantin. P., 1953. P. 192.

¹⁴ *Сванидзе А. А.* Указ. соч. С. 99.

¹⁵ *Actes de Saint-Pantéléémon / Ed. dipl. par P. Lemerle, G. Dagron, S. Cirkovic.* P., 1982. N 7.27—29.

¹⁶ *Actes de Xéropotamou / Ed. dipl. par J. Vompaire.* P., 1964, N 9 A. 14—18. (Далее: Хέρ.).

¹⁷ *MM*, IV, 201—203.

¹⁸ Можно предполагать, что уголь и руда добывались открытым или полукрытым способом из неглубоких шахт-штолен, выкапывавшихся в складках местности в районах выхода полезных ископаемых на земную поверхность. Ср.: Хέρ., N 20.56—57.

¹⁹ Хέρ., N 20.56—58.

²⁰ Ср.: Хέρ., N 20.14—16, 19—21; Appendice 1, δ). 21—22. См.: *Острогорски Г.* Серска област... С. 75.

²¹ Хέρ., N 27.5—6, 25.29.

²² О развитии металлургии в Кондогрице см.: *Острогорски Г.* Серска област... С. 75—77.

Другим районом развития металлургии на Халкидике был хорион Сидерокавсий. Добыча и обработка серебра местных рудников, известных с позднеантичных времен, считаются традиционным занятием жителей этого села. Столетия, последовавшие за падением Константинополя, — время расцвета металлургии в указанном районе. В XVI в. в Сидерокавсии действовало 500—600 домен, обслуживанием которых было занято свыше 6 тыс. человек²³. По всей видимости, масштабы металлургического производства в Сидерокавсии в XIV—XV вв. также можно признать значительными²⁴. Во всяком случае, в документе начала XIV в. упоминаются многочисленные «эргастии», расположенные в окрестностях этого хориона²⁵. Добыча и обработка металлов в Сидерокавсии не прекращались и в XV в. В 1445 г. один из монастырей получил в Сидерокавсии по завещанию монахини Нимфодоры право на пай в двух *τροχοὶ ἐργαστικοί*, применявшихся, по мнению исследователей этого завещания, при добыче руды и в металлургическом производстве²⁶. Некоторые подробности о повседневной жизни рудокопов и металлургов Сидерокавсия в XV в. содержит один из указов Мехмеда II Завоевателя. Из документа явствует, что здешние ремесленники — как христиане, они именуется «неверными» — трудились в шахтах-рудниках, обслуживали устроенные там механизмы, выплавляли серебро. Металлурги выполняли и вспомогательные работы — выжигали древесный уголь. Одновременно ремесленники Сидерокавсия, подобно прочим его жителям, занимались сельским хозяйством, главным образом виноградарством²⁷.

В поздней Византии собственником рудников, металлообрабатывающих мастерских и домен отчасти являлось государство²⁸. Оно осуществляло контроль над производством металла (на всех стадиях) и его распределением²⁹. В то же время владельцами металлообрабатывающих мастерских и горнодобывающих промыслов нередко выступали мелкие собственники. Очевидно, они как показывают завещание монахини Нимфодоры, эксплуатировали дорогостоящее оборудование рудников и мастерских на паевых началах³⁰. Однако на протяжении XIV—XV вв. в металлообрабатывающем производстве последовательно возрастает роль монастырей. В их владениях производственные объекты и сооружения исчислялись десятками. Только монастырь Ксиропотаму владел в окрестностях Сидерокавсия 30 эргастиями³¹. Имеются сведения об организации металлообрабатывающего производства этим монастырем также в хорионе Кондогрица³², а равно и Богородицким монастырем близ Стилария³³.

²³ О развитии металлургии в Сидерокавсии см.: *Zakynthinos D. La commune grecque: Les conditions historiques d'une décentralisation administrative // L'Hellénisme contemporaine. 1948. 2, N 4. P. 306—307; Vryonis S. The Question of the Byzantine Mines // Speculum, 1962, 37, N 1. P. 13—16; Острогорски Г. Серска област... С. 69 и др.; Медведев И. П. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре // В. И. Ленин и проблемы истории. Л., 1970. С. 406—407.*

²⁴ См.: *Острогорски Г. Серска област... С. 69—70.*

²⁵ Хέρ. Appendice 1. γ). 25. Об этом документе см.: *Острогорски Г. Серска област... С. 73—74.*

²⁶ Хέρ., № 30.33. См.: *Vompaire J. Actes de Xéropotamou. В., 1964. P. 216; Острогорски Г. Серска област... С. 74—75.*

²⁷ Les actes des premiers sultans, conservés dans les manuscrits turc de la Bibliothèque nationale à Paris. Vol. 1. Actes de Mehmed II et de Bayezid II du Ms. fonds turc ancien 39 / Ed. par N. Beldiceanu. P.; La Haye, 1960. N 48. § 2, 3. См. также: *Острогорски Г. Серска област... С. 70.*

²⁸ Хέρ., N 25.29.

²⁹ Actes de Lavra. Vol. III / Ed. dipl. par P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, D. Papachryssanthou. P., 1979. N 128. 33. (Далее: *Lavra, III*); Хέρ., N 27.

³⁰ *Острогорски Г. Серска област... С. 74, 77.*

³¹ Хέρ. Appendice 1. γ). 25. См.: *Острогорски Г. Серска област... С. 73.*

³² Хέρ. N 27.5—6.

³³ Actes de Philothée / Ed. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korabiev // ВВ, 1913. 20. Прил. 1 (далее: *Phil.*), № III. 29—30. См. также: *Острогорски Г. Серска област... С. 77—78.*

Важнейшей отраслью ремесла и промыслов являлись солеварение и соледобыча³⁴. Солеварение процветало в приморских районах, прежде всего в городах³⁵. В то же время соляные промыслы развивались и в сельских местностях азиатских и европейских провинций Византии — в бассейне Меандра, близ Смирны и Фокеи, в Каламарии, на Кассандре³⁶. В этих областях на побережье, близ морской акватории, находились многочисленные природные солончаки³⁷. Добыча соли велась непосредственно из морской воды. Для получения соли применялись простейшие приемы. На берегу, в пригодных для того местах, устраивались мелководные запруды, которые самоотом заполняла морская вода. Здесь она естественным образом выпаривалась³⁸.

Соледобыча была доходным промыслом, и крестьяне проявляли инициативу в разработке солончаков на территориях своих общин. Один из «соляных эргастриев» (ἀλυκῶν ἐργαστρίων) в топотесии Лигонос, представлявший собой, очевидно, разработку солончака, который перешел к Лемвиогисскому монастырю вместе с другими владениями монастыря Георгия Эксокастрита, в первой трети XIII в. принадлежал семье Ксена Валки³⁹. В его дарственной говорится, что этим «соляным эргастрием» владел еще его отец — монах Герасим. Герасим завещал солончак Георгиевскому монастырю. После смерти отца Ксен Валки ограничился передачей в монастырь половины доходов от солончака, и лишь по настоянию монахов он вынужден был уступить монастырю сам солончак. Показательно, что ко времени составления дарственной, к 1230 г., Ксен Валки являлся не единственным землевладельцем топотесии Лигонос, который вел соляной промысел. В дарственной, помимо солончака, завещанного Герасимом, упоминаются солончаки соседей Ксена Валки⁴⁰. Содержание документа, а равно и упоминание о «выморочных долях» солончаков мелких владетелей в пожалованном завлантийскому Георгиевскому монастырю хрисовуле 1359 г. Симеона Уроша⁴¹ убеждают в том, что в XIII—XIV вв. соледобыча была традиционным сельским промыслом. Территории крупных природных солончаков обычно делились между жителями окрестных сел, каждый из которых занимался соледобычей на своем участке.

Говоря об организации соляных промыслов, необходимо учитывать существование соляной монополии. Торговля солью, составляя государственную монополию, находилась под строгим контролем императорских чиновников⁴². Они ведали распределением продукции государственных солеварен⁴³, изымали ее излишки⁴⁴, взыскивали налог на соль

³⁴ Некоторые византинисты, исследовавшие вопрос о соледобыче в поздней Византии по материалам греческих актов, не проводят должного разграничения между встречающимися в них понятиями ἀλυκή (ἀλική, αλική) и ἀλία (αλία, ἀλια). Между тем первое служит для обозначения солончаков и солеварен, второе употребляется для указания на места рыбной ловли и рыболовство. См.: *Matschke K.-P.* Bemerkungen zur spätbyzantinischen Salzmonopol // *Studia byzantina*, Folge II. Beiträge aus der byzantinischen Forschung der Deutschen Demokratischen Republik zum XIV. Internationalen Byzantinistenkongre. Bukarest, 1971. B., 1973. S. 54—55, Anm. 13.

³⁵ *Matschke K.-P.* Bemerkungen... S. 38—39; *Idem.* Die Schlacht... S. 144—159; *Asdracha C.* La Région des Rhodopes aux XIIIe et XIVe siècles: Etudes de géographie historique. Athènes, 1976. P. 201.

³⁶ *Matschke K.-P.* Bemerkungen... S. 38—39.

³⁷ Грчке повеље српских владара, Изд. А. Соловьев, В. Мошин. Београд, 1936. № XLIV. 81—84. (Далее: Грчке пов.); MM. IV. 150—151; Τὸ Πρακτικὸν τῆς Λατινικῆς Ἐπισκοπῆς Κερκυραίων τοῦ 1264 καὶ ἡ ἐπιτομὴ αὐτοῦ. / Κριτικὴ ἐκδ. αὐτῶν ὑπὸ Θ. Στ. Τζιωνεάτου. Ἀθήναι, 1965. II. 121—122. (Далее: Κερφ).

³⁸ Ср.: MM, IV, 14, 150—151.

³⁹ Ср.: MM, IV, 45, 48—49.

⁴⁰ MM, IV, 48—49.

⁴¹ Грчке пов., № XXXI. 175—181.

⁴² *Matschke K.-P.* Bemerkungen... S. 38, 40—41, 42 u. a., 51—53.

⁴³ MM, IV, 284—285; Грчке пов., № XX. 103—108; XXXI. 171—175; Schatz. N 45/6. IV. 4—5; Lavra, III, N 128.30—31. См.: *Matschke K.-P.* Bemerkungen... S. 42, 43.

⁴⁴ Грчке пов. № IX. 57—60; Actes de Zographou / Ed. par W. Regel, E. Kurtz, V. Korablev // BB, 1907, XIII. Прил. (далее: Zogr.) N XXIII. 53—58, XXV. 70—71, XXVI. 92—94. Ср.: *Matschke K.-P.* Bemerkungen... S. 51.

с владельцев соляных разработок⁴⁵. Государственная монополия на солеторговлю не препятствовала развитию соледобычи во владениях крупных светских и духовных собственников, особенно монастырей⁴⁶. В поздневизантийский период сельские соляные промыслы постепенно переходят под контроль именно таких собственников⁴⁷. На их солеварнях и солончаках добычей соли были заняты зависимые крестьяне⁴⁸.

В документах XIII—XV вв. хорошо отражена также организация мукомольного промысла. Помол зерна производился на мельницах различного типа. Вплоть до XIV—XV вв. сохранялись мельницы, приводимые в действие силой животного⁴⁹. Использовались и ветряные мельницы. Однако более широкое распространение получили водяные мельницы⁵⁰. Без сомнения, многие общины в XIII—XIV вв. владели мельницами, находившимися в коллективном пользовании⁵¹. При этом для содержания мельницы объединялись вместе несколько крестьянских семей⁵². Однако совместное содержание мельницы становилось подчас обременительным для обедневших крестьянских хозяйств. В акте продажи Лемвиотисскому монастырю (1246 г.) коллективные владельцы мельницы — полтора десятка крестьян во главе с Иоанном Влаттером — указали на возникшие среди них ссоры и свою неспособность обеспечить работу мельницы⁵³. Зато содержание мельниц оказывалось вполне под силу феодальным собственникам. Они являлись владельцами целых мукомольных комплексов и поощряли сооружение в своих поместьях новых мельниц. В первую очередь это относится к монастырям. Обычно строителями мельниц выступали крестьяне соседних сел. Зачастую, будучи ревностными христианами, они жертвовали созданные их трудами и нередко на собственные их средства сооружения монастырям⁵⁴. Крупные собственники, рассчитывая на получение барышей, передавали свои мельницы в пользование общинам близлежащих сел, жители которых уплачивали им пакт (арендную плату)⁵⁵. Иногда право на эксплуатацию мельниц получали отдельные парики⁵⁶.

⁴⁵ Ср.: ММ, VI, 249, 253—254.

⁴⁶ См.: *Matschke K.-P. Bemerkungen...* S. 41.

⁴⁷ ММ, IV, 45, 48—51, 159; VI, 181; *Actes de Chilandar / Ed. par L. Petit, V. Korablev. Première partie. Actes grecs // ВВ, 1911. XVII. Прил. I (далее: Chil), N 150.36—48; Кзр. П. 121, 899.*

⁴⁸ Ср.: *Actes de Xénophon / Ed. par L. Petit // ВВ, 1903, X. Прил. I (далее: Xén), № IV, 83—86. См.: Острогорский Г. Византийские писцовые книги // ВВ, 1948, IX, № 2. С. 243, 274. Следует учесть и мнение М. Я. Сюзюмова о роли эксплуатации зависимого крестьянства на солеварнях феодальных собственников, хотя иногда его суждения не были свободны от фактических ошибок. См.: *Сюзюмов М. Я. Экономика пригородов...* С. 78.*

⁴⁹ ММ, II, 83; *Lappa-Zizikas E. Un chrysobulle inconnu en faveur du monastère des Saints-Anargures de Kosmidion // ТМ, 1981. 8. P. 255—268, IV. 15—16. Мельницы, приводимые в движение тягловыми животными, применялись наравне с ручными мельницами — и для помолы не только зерна, но также маслин и соли. Об устройстве мельниц этого типа см.: Дероко А. Из материальной культуры прошлого: Этнографские белешки // Споменик САНУ. Т. 112 (Одегене дружественных наука, нова серија, 14). Београд, 1963. С. 10—11, табл. 19—24.*

⁵⁰ См.: *Bryer A. The Estates of the Empire of Trebizond: Evidence for their resources, products, agriculture, ownership and location // АП, 1979. 35. P. 404 sqq.; Laiou-Thomadakis A. E. Peasant Society... P. 68.*

⁵¹ Ср.: *Chil., N 92. 141—143.*

⁵² К примеру, семья Иоанна Сисиния до пожертвования Алипийскому монастырю владела одной четвертой долей мельницы близ Ревифиона, тогда как остальные доли во владении его принадлежали другим пайщикам. См.: *Actes de Kutlumus / Ed. dipl. par P. Lemerle. P., 1945. N 13.5—15. (Далее: Kutl.).*

⁵³ ММ, IV, 196—197.

⁵⁴ Ср.: ММ, II, 246—248; IV, 31; *Phil. N III. 32—34; Chil., N 19.38; 54.31—32, 64—66; 102. 12—13, 22—24; 110. 35—36; 114. 24—25; Xér., N 17.9—10; Ménéc., N 314—10; Esph. Appendice E. 7. 21—26; Σεβτιὰ καὶ Βυζαντιὰ γράμματα Μετεώρου / Σχδ. ὑπὸ Ν. Βέη. // Βυζαντινίς, 1911—1912. 2. № 12. 9—11 (Далее: Meteor.).*

⁵⁵ ММ, IV, 35; *Actes de Lavra. Vol. II / Ed. dipl. par P. Lemerle et al. P., 1977. N 109.950, 962. (Далее: Lavra, II); Sechs byzantinische Praktika des 14. Jahrhunderts für das Athosklöster Iberon / Hrsg. von F. Dölger. München, 1949. A. 107. 206—207. (Далее: Iber.); RK. 300; Chil., N 19.115—120.*

⁵⁶ Xér., N 18 D, III, 11—12; Lavra, II, N 99.20—21.

Во многих деревнях, расположенных близ рек и озер, на морском побережье, искони существовал рыболовный промысел. В поздневизантийское время пригодные для «рыбных ловель» (*ἀλείαι*) естественные водоемы практически повсеместно принадлежали крупным феодальным собственникам⁵⁷. Они устраивали также искусственные затоны для разведения и ловли в них рыбы — так называемые садки (*ὀβαρατίκια, βεβάρια*)⁵⁸. Крупнейшие из феодалов создавали хорошо оснащенные рыболовецкие флотилии⁵⁹. У монастырей рыболовство, по мнению В. Гроховой, достигало масштабов товарного промысла⁶⁰.

Феодальные собственники привлекали к промыслу рыбы в своих поместьях зависимых крестьян, обладавших устойчивыми рыболовецкими навыками⁶¹. Скажем, на «рыбных ловлях» озера св. Стефана, села на побережье которого были пожалованы монастырю Марии Макринитиссы, промысел вели члены рыбацких семей Малогена и Какуса⁶². В поместных селах, где рыболовство являлось постоянным занятием жителей, сам по себе переход «рыбных ловель» во владение феодала не вызывал существенных изменений в принципах организации промысла. Жалованные грамоты подчас подтверждают право крестьян вести рыбную ловлю, «как и прежде»⁶³. Многие жители, имевшие собственные лодки и снасти, несомненно, поддерживали общинные традиции и сохраняли производственную кооперацию рыболовов. Примером может служить отмечавшийся исследователями рыболовный промысел париков прониарских и монастырских хорионов Хантак, Низион, Доксобус. В хозяйствах местных крестьян, помимо прочего имущества, имелись лодки и рыболовные снасти — о них говорится в практиках. Многие крестьяне несли податную ответственность за половину лодки или треть невода. Как видно из этих документов, им приходилось, очевидно, пользоваться своим снаряжением в пае с соседями, входившими в ту же общину⁶⁴. Вместе с тем феодально зависимые общины утрачивали свои права на рыболовные угодья⁶⁵. С их отчуждением жители окрестных селений бывали вынуждены арендовать места «рыбных ловель» у феодальных собственников. За право ловли во владениях Зографского монастыря жители хориона Декалиста обязались, например, уплачивать монахам треть улова рыбы — согласно действовавшему обычаю⁶⁶.

Одной из отраслей сельского ремесла и промыслов было и строительство, осуществлявшееся деревенскими жителями. Упомянутый выше фольклорно-поэтический календарь показывает, что для постройки и починки крестьянских хижин достаточно было собственных усилий их оби-

⁵⁷ Rouillard G. La vie rurale... P. 191; *Острогорски Г.* Серска област... С. 63 и др.; *Asdracha C.* La Region... P. 199 etc.

⁵⁸ Chil. N 36.4—8; N 41.122—125; Lavra. II, N 75.24—35; Lavra. III, N 158.6—8; MM, II. 218, 519—520, 525; IV. 216—217, 221, 225, 239—247; Iber. A. 30; Ménéc., N 39.53—54; N 47.44; Meteor., N 19.22; Грчке пов., № XX. 44—46; № XXXVIII. 18—29.

⁵⁹ Phil., N III. 72—75; Zogr., N XXXIII. 88—90; Ménéc., N 9.13; № 10.15; № 39.52, 54; Грчке пов., № VII. 44—45.

⁶⁰ *Hrochova V.* Zur wirtschaftlichen Rolle der byzantinischen Klöster im 13.—15. Jahrhundert // JÖB, 1982. 32/2. S. 87.

⁶¹ Ср.: Chil., N 62.14—18; N 63.16—20; Xér., N IV. 83—86; Phil., N IX. 64—67; Lavra, II, N 109.931; Ménéc., N 39.97—98; MM. V. 255.

⁶² MM, IV, 344; ср.: 331, 351, 358.

⁶³ Ср., например: Zogr., N XXVI. 81—83; N XXVII.55—57.

⁶⁴ См.: Zogr., N XXIX; Lavra, II, N 104. См. также: *Острогорски Г.* Византийские писцовые книги. С. 243, 287; *Он же.* Серска област... С. 65; *Lemerle P., Guillou A., Svoronos N., Papachryssanthou D.* Actes de Lavra. P., 1982. Vol. IV. P. 112, 163—164.

⁶⁵ Zogr. № XXIX. 93—99; № XXXII. 11—18; № XXXVII. 23—24. Ср.: Chil. № 60.24—25; № 61.21—23; № 138. 41—43. См. также: *Острогорски Г.* Серска област... С. 67—68.

⁶⁶ Zogr., № XXXIV.14—17. Уплата трети улова на право рыбной ловли, видимо, являлась нормой обложения сельского населения. Ср.: Zogr., № XXXII. 34—37; Грчке пов., № IX.42—47; Ménéc., № 39.97—98. См.: *Острогорски Г.* Серска област... С. 66—67.

тателей⁶⁷. Для строительства же фундаментальных сооружений, возводившихся в селах, как правило, из кирпича и камня, нужны были специалисты-строители. Некоторые крестьяне овладевали этой профессией⁶⁸.

Профессиональная выучка таких строителей раскрывается, прежде всего, на примерах сооружения мельниц, отличавшихся конструктивной сложностью и требовавших выполнения значительного объема строительных работ⁶⁹. Так, в хрисовулах 1320-х годов Андроника III строителем мельницы Хиландарского монастыря близ Лозикия назван парик Кридзос из хориона Акротирий⁷⁰. Десятилетием ранее монахи монастыря Ксиропотама принесли жалобу местным властям на Хиландарский монастырь, построивший мельницу близ Девеликия, из-за которой пришла в бездействие стоявшая ниже по течению мельница ксиропотамитов. Согласно иску, безмянный парик Хиландарского монастыря не только возвел саму мельницу, но и воздвиг плотину с водонаправляющим каналом (δέλιυ) ⁷¹.

Несомненна значительная трудоемкость строительства описанных сооружений. Упомянутые мастера-строители, очевидно, были руководителями работ, которые осуществлялись совместными усилиями жителей феодального поместья или сельской общины. Коллективный характер строительных работ, их трудоемкость косвенно подтверждаются сигиллием начала XV в. ларисского митрополита Иоасафа. Судя по сведениям документа, сооружение водяной мельницы во владениях Метеорского монастыря потребовало участия в строительстве всей монашеской общины, обошедшейся, однако, без помощи окрестных крестьян⁷². Сообща соорудили мельницу в конце XIII в. крестьяне хориона Дзиндзилукия. В постройке мельницы, расположенной на земле монастыря Богородицы, участвовали четыре человека, принадлежавшие к двум семьям⁷³.

При участии мастеров-строителей и на основе коллективной организации строительства в селах возводились также культовые здания. Настенная надпись церкви св. Бессребреников в морейском хорионе Кипула содержит сведения о воздвижении и росписи этого сельского храма⁷⁴. Работы по его сооружению завершились в июне 1265 г. Храм представляет собой однокамерное, безглавое строение (размеры: 3,95 м × 2,23 м) с простейшим куполообразным перекрытием⁷⁵. Очевидно, храм сооружался по инициативе местной сельской общины. Среди пожертвователей во главе со старцем Космой и сельским духовенством, включая иерея Иораса и безвестного анагноста, исполнявшего обязанности номика (составителя документов), в надписи упомянуты имена других жителей села. Общее число жертвователей (вместе с членами их семей) достигает 37 человек⁷⁶. Кроме них, в надписи говорится о художнике (ηστωριογράφου) Николае и его брате и ученике Феодоре из морейской области Редзидзас, завершивших работы по сооружению храма⁷⁷. Содержание надписи, прежде всего указание на мизерное вознаграждение (14 номисм), уплаченное жертвователями за строительные и живописные работы, заставляет отвергнуть любое предположение о возведении храма артелью профес-

⁶⁷ См.: *Eideneier H.* Ein byzantinisches Kalendargedicht... S. 383.44—42.

⁶⁸ В практиках некоторых сел упоминаются парики с прозвищем *κτίστης* (строитель, каменщик). См.: например: *Lavra*, II, N 109. 721—722; *Iver.*, K. 16, P. 16, V. 6.

⁶⁹ О конструктивно-технических особенностях мельниц см. литературу, указанную в примеч. 47 и 48.

⁷⁰ Сообщения документов о сооружении мельницы близ Девеликия париком Кридзосом, по-видимому, отражают реальные обстоятельства ее постройки. См.: *Chil.*, N 102.12—13, 20—24; N 114. 24—25. Ср. также: *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches von 565—1453. München; B., 1960. Bd. 4. N 2574; *Zivojinovic M.* Chantax et ses moulins // ЗРВИ, 1984. 23. С. 120—121, примеч. 9.

⁷¹ См.: *Xér.*, N 17.9—11.

⁷² См.: *Meteor.*, N 12.9—11.

⁷³ *Esph.* Appendice E. 2—7.

⁷⁴ *Δρανδάκης Ν. Β.* Οι τοιοχογραφίες των 'Αγίων 'Αναργύρων Κοπούλας // *Είς: 'Αρχαιολογική έφημερίς*, 1980. 'Εν 'Αθήναις, 1982. Σ. 99.

⁷⁵ *Ibid.* P. 97, πίν. 24α.

⁷⁶ *Δρανδάκης Ν. Β.* *Op. cit.*, P. 99. 2—12.

⁷⁷ *Ibid.* P. 99. 13—14.

сиональных строителей⁷⁸. Скорее всего, строителями являлись сами общинники. Вероятно, они выполнили вспомогательные работы и заготовили камень для постройки. А приглашенный общиной мастер Николай со своим учеником, по-видимому, осуществлял общее руководство строительством и расписал интерьер храма.

Независимо от полноты или скудости сведений об организации отдельных отраслей сельского ремесла и промыслов в поздней Византии можно все же воссоздать общую картину их развития. Собственно крестьянское ремесло и промыслы находились на таком уровне, на котором — и это вполне очевидно — отдельно взятое, маломощное крестьянское хозяйство не было и не могло служить базой интенсивного ремесленного производства. Экономические возможности крестьян для занятий ремеслом и промыслами были ограничены. Среди общинников было широко распространено доленое совладение средствами производства, необходимыми для промысла, такими, как мельницы, рыболовные суда и т. п.⁷⁹ Многие крестьяне становились на путь сотрудничества с феодальными собственниками. На паях с ближайшими монастырями крестьяне владели мельницами⁸⁰ и другими хозяйственными объектами. Так, Феодор Полит, трапезундский крестьянин XV в., использовал в своем хозяйстве печь для выпечки хлеба (φούρνιν), принадлежавшую Вазелонскому монастырю⁸¹.

Занятие ремеслом само по себе не отрывало рядового жителя деревни от общины. Сельское ремесло зиждилось на преемственности и связи членов общинного коллектива. Дети наследовали профессии родителей, благодаря чему представители определенной ремесленной специальности сосредоточивались в каком-либо селении или поместье⁸². Данное наблюдение послужило основанием для выдвижения Н. К. Кондовым концепции зарождения в поздневизантийском селе мануфактуры.

Как известно, мануфактура представляла собой кооперацию, базирующуюся на разделении труда, при этом сохранялся его ремесленный характер. Работник мануфактуры продолжал быть тесно связанным с земледелием. Первоначально кооперация выражалась в простом увеличении числа рабочих рук, занятых в производстве. Это создавало предпосылку для последующего разделения труда между работниками⁸³. Однако уже на ранней стадии развития мануфактура, сколь бы она ни была проста по форме, по существу своему являлась капиталистическим производством. Его организатором выступал предприниматель. Эта роль обычно принадлежала купцу. В условиях возникновения мануфактуры он из «скупщика» ремесленной продукции становился покупателем человеческого труда⁸⁴.

Вопрос о существовании мануфактуры в поздней Византии дискуссионен. Как правило, он встает при изучении городского ремесла⁸⁵. Свою лепту в позитивное решение проблемы пытается внести и Н. К. Кондов. Ученый предлагает концепцию развития рассеянной мануфактуры на

⁷⁸ Ibid. P. 99.9—10. По мнению издателя надписи, скромные размеры вознаграждения живописца и ученика объясняются тем, что оно было выплачено в золотой или серебряной монете. См.: Ibid. P. 102.

⁷⁹ Ср.: Lavra, II, № 109, 340—341, 345—346, 349—350, 351, 388—389 и др.; Ibid. № 104.43—45, 103—105, 131—132, 157—158, 159—160 и др.

⁸⁰ См.: BA, № 141; Lavra, III, № 139.44—45; Esph. Appendice E. 21—26. См. также: Actes de Docheiariou / Ed. dipl. par N. Oikonomidès. P., 1983, N 11.1—8.

⁸¹ BA, № 178.

⁸² Острогорски Г. Серска област... С. 58; Кондов Н. К. Селското занаятчийство... С. 204—205.

⁸³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 145; Там же. Т. 16. С. 285—286; Т. 23. С. 333, 347, 348, 393, 439—440; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 354, 356—357, 384—385.

⁸⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 368—369, 371—374; Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 398—399; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 223, 447, 459; Там же. Т. 2. С. 387—388, 398—399.

⁸⁵ О дискуссии по поводу возможности возникновения мануфактуры в поздневизантийском городе см.: Завражин В. Н. К вопросу о поздневизантийской мануфактуре // Средневековый город. Саратов, 1981. Вып. 6. С. 136—139; Matschke K.-P. Die Schlacht bei Ankara und das Schicksal von Byzanz: Studien zur späthbyzantini-

селе. Признавая сезонный характер сельского ремесла и в целом неразрывную его связь с сельским хозяйством, болгарский византист полагает, что две трети ремесленников, зарегистрированных в практиках, обособились от сельского хозяйства и существовали на доходы от ремесла⁸⁶. На взгляд Н. К. Кондова, выявленные им в ряде южномакедонских сел состав и концентрация проживавших здесь ремесленников якобы свидетельствуют о возникновении мануфактуры, которая существовала под эгидой представителей торгового капитала⁸⁷.

Несмотря на, казалось бы, безупречную форму, выдвинутая Н. К. Кондовым концепция схематична и не может быть принята. И дело вовсе не в спорности приводимой аргументации в защиту вывода о высокой концентрации ремесленников на селе⁸⁸. Главное заключается в отсутствии каких-либо доказательств деятельности «капиталистических предпринимателей», «организаторов» профессиональных объединений сельских ремесленников, которые пытается обнаружить Н. К. Кондов. Нельзя не признать, что доминирующие факторы организации ремесленного производства в поздневизантийском селе были сугубо отличны от «капиталистического предпринимательства».

Немалая роль в организации сельского ремесла и промыслов принадлежала государству. Оно осуществляло, как это было показано, надзор за распределением сырья и продукции металлообрабатывающего производства и за соледобычей. Государственные органы управления контролировали также выполнение казенных повинностей (если они не выкупались), специфика которых предусматривала различного рода промысловые занятия сельских жителей. К ним можно отнести заготовку леса и дров (*ξύλαγυρον*), древесного угля (*καύσις καρβωνίων*), смолы (*ύρροπίσσον*) и пеньки (*κάναβις*)⁸⁹. В описании, например, границ владений метоха Лавры Афанасия в Ликосхизме упоминается «ров с углями», в котором местные крестьяне, возможно, заготавливали древесный уголь⁹⁰. Жителям сел, владевшим лодками, приходилось по требованию государственных властей или феодальных господ заниматься перевозкой грузов⁹¹. Очевидно, систематическое выполнение извозной повинности было равносильно развитию отходничества.

Сколь бы ни был строгим контроль государства над ремеслом, можно с уверенностью считать, что в последние века существования Византии сельское ремесло в огромной степени зависело от частнофеодальных собственников. Крупное феодальное поместье, обладавшее наибольшими экономическими возможностями и испытывавшее острую потребность в различного рода изделиях, стало средоточием сельского ремесла⁹². Нужды феодального поместья, по-видимому, в какой-то мере определяли и состав сельских ремесленников⁹³.

Особо необходимо отметить важное значение монастырей в развитии сельского ремесла и промыслов. При монастырях жили и каждодневно трудились многочисленные ремесленники — кузнецы, плотники, кожевники и прочие умельцы. Одни из них были монахами, другие (возможно,

schen Geschichte zwischen 1402 und 1422. Weimar, 1981. S. 145—146. См. также: *Сванидзе А. А.* Указ. соч. С. 150.

⁸⁶ Кондов Н. К. Селското занаятчйство... С. 198—202; *Idem.* Das Dorf Gradec. II. Teil. S. 88—89.

⁸⁷ Кондов Н. К. Селското занаятчйство... С. 202 и др.

⁸⁸ В частности, данные о концентрации ремесленников наиболее распространенных на селе специальностей (ткачей и сапожников) приводятся Н. К. Кондовым (соответственно 18 и 22 мастера) в расчете на 1000 человек населения, что неизбежно искажает представления о действительной численности ремесленников в каждом отдельном селе. См.: Кондов Н. К. Селското занаятчйство... С. 196.

⁸⁹ Ср.: ММ, IV, 4, 17, 21, 225; Грчке пов., № II.51, VII.94, IX.56, XII.68—69, XV.54—59, XVIII.101—106, XXV.35; *Chil.*, N 138.60; *Lavra*, III, N 130.24.

⁹⁰ *Lavra*, II, N 112.41.

⁹¹ Ср.: *Zogr.*, N XXXII. 37—40; N XXXVII.24—28.

⁹² Ангелов Д. По въпроса за стопанския облик на българските земи през XI—XIV в.: (Предимно по сведения на писмените извори) // ИП, 1951, VII, кн. 4/5. С. 435; *Hrochova V.* Zur wirtschaftlichen Rolle... S. 85, 90—91.

⁹³ Ср.: *Dölger F.* Aus den Schatzkammern... S. 189—190; *Острогорски Г.* Серска област. . . С. 53.

большая часть) — мирянами⁹⁴. Экономическая деятельность монастырей играла существенную роль как в жизни предместий провинциальных городов, где многие монастыри устраивали подсобные хозяйства с различного рода «эргастирями» и мельницами⁹⁵, так и дальних деревень.

В поместных селах крупные монастыри владели разнообразными мастерскими, тем самым направляя в определенное русло и контролируя ремесленные занятия зависимых крестьян. Близ селений размещались, как правило, принадлежавшие монастырям мастерские по изготовлению керамических изделий, черепицы, кирпича, бондарные мастерские⁹⁶. В практике епископии Кефаллии часто упоминаются гончарные (?) печи (*τὰ χαμίνα*). Они были разбросаны по окраинам селений, на участках, где заготавливалась глина⁹⁷. О том, что гончарное производство, как и другие ремесла на селе, зависело от феодальных собственников, говорит, в частности, освобождение в начале XIV в. Ивирского монастыря от уплаты подати за «жжение печей (горнов)» (*χαμίνων καύσεως*)⁹⁸.

Засилье феодальных собственников наблюдалось также в организации сбыта ремесленной продукции среди сельского населения. По издавна сложившейся на Балканах традиции отдельным монастырям и церквям предоставлялось право проведения ярмарочных торгов, облагавшихся особой податью («форос» или чаще упоминаемый «панигирис»). Ярмарки, устраивавшиеся обычно в день памяти святого — патрона местной церкви или монастыря, проводились и в городах и в селах⁹⁹. Праздничные торги в селах несомненно оказывали прямое воздействие на развитие местного ремесла. Вероятно, на ежегодных ярмарках монастыри сбывали продукцию подсобных хозяйств, тем самым устанавливая свой приоритет в производстве и распространении ремесленных изделий на селе¹⁰⁰.

Итак, мелкоремесленное производство и промыслы в поздневизантийской деревне основывались на общинной традиции и примитивной кооперации крестьянских хозяйств. Ряд отраслей сельского ремесла и промысла контролировались государством, однако с течением времени все более углублялась их зависимость от феодального поместья. Феодальные собственники, в особенности монастыри, занимали ключевые позиции в организации производства и торговли ремесленной продукцией на селе.

⁹⁴ *Teoteoi T. Le travail manuel dans les typika des XIe—XIIIe siècles // Actes du XVe Congrès International d'Etudes byzantines: Athènes, Septembre 1976. Athènes, 1980. Vol. IV. P. 347.*

⁹⁵ См.: *Поляковская М. А. Городские владения провинциальных монастырей в поздней Византии // ВВ, 1964, 24. С. 207; Она же. Монастырские владения в городе Серры и его пригородном районе в XIV в. // ВВ, 1967, 27. С. 312—314, 315; Она же. Монастырские владения в Фессалонике и ее пригородном районе в XIV—начале XV в. // АДСВ, 1965. Вып. 3. С. 21; Она же. К вопросу о характере городской и пригородной монастырской собственности в поздней Византии // АДСВ, 1966. Вып. 4. С. 77; Она же. Метехи в городском и пригородном хозяйстве поздней Византии: (По данным монастырских актов) // УЗ Перм. гос. ун-та. Вып. 143 / Ист. науки. 1966. С. 95; *Hrochova V. Zur wirtschaftlichen Rolle... S. 85—86.**

⁹⁶ См.: *Lavra, II, N 90.276; N 108.410, 411, 562; III, N 130.6; Actes de Dionysiou / Ed. dipl. par N. Oikonomides. P., 1968. N 9.26; Chil. N 40.177.*

⁹⁷ Кеф. П. 188—189, 387—388, 685, 974—975, 976—977.

⁹⁸ *Schatz. N 37.53.*

⁹⁹ См.: *Сакъзов И. Панаири в средневековна Македония // МП, 1927. № 4. С. 2 и др.*

¹⁰⁰ Несмотря на очевидное значение проводившихся монастырями сельских ярмарок, исследователи располагают скудными сведениями об их экономическом эффекте. См.: *Острогорски Г. Серска област... С. 57; Hrochova V. Zur wirtschaftlichen Rolle... S. 87, 89; Asdracha C. La Region... P. 221—222. Упоминания о ярмарках в документах липадарны. В актах фиксировались преимущественно сборы, налагавшиеся на монастыри за проведение «праздника» в день того или иного святого. Ср.: *Ibr. A. 157—159; RK. 2151; Zogr., N XVI. 13; Esph., N 6.45—46; N 14.193—194, 210; N 16.80; Appendice A. 45—46; Lavra, II. N 104.168; N 111.29; Appendice VIII.25—26; Appendice X.30; Βυζαντιανὰ ἔγγραφα τῆς ἐν ἹΑφρ ἱερᾶς μονῆς τοῦ Βατοπεδίου / Έκδ. ὑπὸ Μ. Γοῦδα / ΕΕΒΣ, 1926, 4, N 10.36—38. Реальные обстоятельства, при которых проходили сельские ярмарки, в документах практически не освещаются. Так, монастырь Филофея устраивал ярмарки в хорионах Георгия и Неокастроне предположительно осенью со сроком уплаты соответствующей подати 8 ноября. Ср.: *Phil., N III.70—72; N IV.77—80. См. также: Iber. RV. 231—232; Xér., N 18.56—57; Lavra, II, N 109. 947—948.***